

ОДИНЪ ОТВѢТЪ НА ВСѢ ВОПРОСЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ особенно посчастливилось въ іюлѣ мѣсяцѣ: почти одновременно напали на насъ и закидали вопросами и предположеніями „Голосъ“ (6-го іюля) и „Гражданинъ“ (9-го іюля). „Голосъ“ составилъ предположеніе о переходѣ „Вѣстника Европы“ въ лагерь ретроградовъ и сопричислилъ насъ (ужасно сказать!) къ „Гражданину“. „Русскому Міру“, увѣривъ своихъ читателей при этомъ, что „Вѣстнику Европы“ и такихъ союзниковъ было мало, почему онъ нисходилъ во адъ, чтобъ протянуть руку еще покойной „Вѣсти“. „Итакъ, — восклицаетъ „Голосъ“, — лагерь покойной „Вѣсти“ и здравствующаго „Русскаго Міра“ прибыло: „Вѣстникъ Европы“, наконецъ, открылъ глаза и узналъ, откуда вѣтеръ дуетъ“... „Возрадуйтесь же „Русскій Міръ“, „Гражданинъ“ и tutti quanti!“ Все это говорилъ „Голосъ“ 6-го іюля; но не прошло и трехъ полныхъ дней, какъ нашъ новый „союзникъ“, а именно „Гражданинъ“ хотя и не сопричислилъ насъ къ „Голосу“, но все же началъ гнать изъ своего лагеря, обвинивъ чуть не въ измѣнѣ государству, а главное, въ намѣреніи поколебать уваженіе къ православной церкви. Мы могли бы почти не отвѣчать представителямъ „либеральнаго“ лагеря нашей печати и другого лагеря, который принимается первымъ за противоположный ему, и не безъ выгоды для чести остаться на нейтральной почвѣ. Но „Голосъ“ въ томъ же номерѣ усмотрѣлъ въ нашемъ молчаніи по другому вопросу сознаніе въ своей ошибкѣ, и вотъ мы вынуждены отвѣчать хоть въ немногихъ словахъ. „Голосъ“ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что каждый органъ, помимо своего направленія, которое можетъ быть либерально, ретроградно и т. д., долженъ поступать въ полемикѣ добросовѣстно. Вышеприведенная тирада построена въ „Голосѣ“ на томъ основаніи, что въ іюньской книжкѣ нашего журнала помѣщена статья гр. В. П. Орлова-Давыдова: „Земледѣліе и Землевладѣніе“; но газета при этомъ совершенно умалчиваетъ о нашемъ заявленіи (см. стр. 813), что наша редакція печатаетъ ту статью въ силу „убѣжденія о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ“; что настоящее мнѣніе редакція по этому предмету было только-что выражено въ майской книгѣ, а именно въ статьѣ Е. Л. Маркова: „Всесословная волюта“; и что, наконецъ, наша „редакція сохраняетъ за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ же предметѣ съ полною искренностью“, т.-е. по возможности.

При добросовѣстности, хотя бы и на счетъ здраваго смысла, „Голосъ“ могъ бы обвинить насъ въ томъ, что мы убѣждены въ необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ; а онъ вмѣсто того взялся за то, что мы хотѣли сдѣлать сами, и сдѣлать это по весьма неодобрительному приему, какъ-бы съ убѣжденіемъ, что бросаніе грязи въ противника и гаерство составляютъ самые вѣскіе аргументы въ полемикѣ. Пусть „Голосъ“ не говоритъ, что онъ-моль не замѣтилъ сказаннаго редакцію на 813-й стр. майской книги! Мы очень хорошо знаемъ изъ „Голоса“ же, что онъ прочелъ на этой самой страницѣ наше увѣщаніе ему отказаться отъ прежняго своего способа дѣйствій по отношенію къ нашимъ „Варшавскимъ письмамъ“; а онъ именно увѣрялъ, что авторъ ихъ „покровительствуетъ польскимъ стремленіямъ, претендующимъ на нашу плоть и кровь“. Онъ отвѣчалъ намъ на это увѣщаніе увѣреніемъ, что въ наше время вовсе не опасно быть полякомъ или благосклонно говорить о польскихъ дѣлахъ. Это совершенно справедливо; но не одно и то же — быть полякомъ и „претендовать на нашу плоть и кровь“; послѣднее — преступно во всякое время, и потому на-обумъ сказать, что какой-нибудь журналъ покровительствуетъ подобнымъ претензіямъ — вовсе не значить высказать невинную мысль, какъ думаетъ „Голосъ“. По нашему мнѣнію, такіа претензіи и безумны, и преступны; неужели „Голосъ“ думалъ иначе, или онъ забылъ собственные слова? Вотъ, было бы другое дѣло, еслибы „Голосъ“ оправдывался тѣмъ, что его толки не имѣютъ никакой цѣны, и что мы напрасно обращаемъ вниманіе на нихъ, такъ какъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Но „Голосъ“ не приводитъ этого смягчающаго обстоятельства въ свое оправданіе.

Кстати, сообщимъ „Голосу“, что прежнее аналогическое его обвиненіе г. М. Т—ова, автора статьи: „Русскіе въ Галиціи“, найдетъ себѣ отвѣтъ въ новомъ трудѣ того же автора: „Литературное движеніе въ Галиціи“, которое, къ нашему сожалѣнію, по недостатку мѣста мы не могли помѣстить въ настоящей книжкѣ журнала.

Что же касается до упрека намъ со стороны „Голоса“, что въ іюльской книжкѣ мы промолчали о литературномъ курьёзѣ по поводу „легкомысленной выходки“ (какой снисходительный отзывъ со стороны органа — представителя нашего либерализма!) г. Истржембскаго, — то и этотъ упрекъ напрасенъ: если наша послѣдняя книжка вышла для публики 1-го іюля, то, какъ понятно „Голосу“, она была совсѣмъ отпечатана 26-го іюня, когда именно этотъ „курьёзъ“ только что появился въ газетахъ. Мы не имѣли физической возможности сдѣлать даже и „намёкъ“, котораго ожидать отъ насъ, „Голосъ“, и исполняемъ это дѣло теперь, не ограничиваясь за то однимъ „намёкомъ“.

Едва умолкъ „Голосъ“, какъ раздался противъ насъ другой голосъ „Гражданина“, отрывшаго въ прежнихъ книгахъ „Вѣстника Европы“ критику г. Спасовича на извѣстную книгу г. Стронина. Не говоримъ о томъ, что авторъ этой выходки съ первыхъ словъ наивно сознается, что онъ „незнакомъ съ книгой г. Стронина и потому не можетъ точно провѣрить, насколько вѣрно передано ея содержаніе г. Спасовичемъ“. Затѣмъ, разумѣется, онъ перепутываетъ мнѣнія г. Стронина съ мнѣніями г. Спасовича, возражаетъ первому, думая, что онъ имѣетъ дѣло съ послѣднимъ и т. п.,—однимъ словомъ, все это до крайности юродиво! Оставляемъ также въ сторонѣ всѣ обвиненія въ государственной измѣнѣ; въ нашей современной литературѣ такія обвиненія стоютъ не дорого самимъ обвинителямъ, и дѣлаются сплеча;—но „Гражданинъ“ заключаетъ всю свою галлюцинацію вопросомъ: „Не потрудится ли намъ объяснить *это* г. редакторъ *Вѣстника Европы*?“. Оказывается, что г. Спасовичъ въ довершеніе всего злокозненно объявилъ ту церковь, которой онъ принадлежитъ самъ вмѣстѣ съ авторомъ обвинительной статьи, „младшею“ изъ всѣхъ церквей. „Удивительно,—воскликаетъ „Гражданинъ“,— что многоученный редакторъ не поправилъ такой грубой ошибки! Историкъ должно быть извѣстно, какъ совершилось раздѣленіе церквей, ему извѣстно, конечно, что восточная церковь въ какомъ видѣ была до раздѣленія, въ такомъ и осталась“. Но редактору „Гражданина“ и его доблестнымъ витязямъ слѣдовало бы къ ихъ обширнымъ познаніямъ присоединить еще одну подробность, извѣстную впрочемъ и гимназисту третьяго класса, а именно, что мы всѣ принадлежимъ не просто восточной и православной церкви, но греко-россійской церкви, которая считаетъ своему самостоятельному существованію не 1873 года, а несравненно меньше. Вотъ почему г. Спасовичъ называетъ ее младшею церковью, и такимъ образомъ инсинуаціи оказываются не съ его стороны, а со стороны „Гражданина“, который притомъ облекъ ихъ въ формы невѣжества, отъ котораго впрочемъ можетъ по этому вопросу освободиться при помощи перваго попавшагося ему въ руки краткаго историческаго учебника; или быть можетъ онъ считаетъ нашу греко-россійскую церковь не самостоятельною церковью? По основательности этого сужденія „Гражданина“, пусть читатель судить объ основательности остальныхъ; а по характеру всѣхъ выходокъ „Голоса“ и „Гражданина“ пусть сообразитъ степень современнаго хаоса отечественной публицистики, среди которой неудивительно, если случилось то, что „своя своихъ не познаша“, и „Голосъ“ за нашу „измѣну“ либерализму выбранился „Гражданиномъ“, а „Гражданинъ“ отдалъ насъ за радикализмъ подъ судъ исторіи и другихъ вѣдомствъ. „Все это было бы смѣшно“...